

СОЦИАЛИЗМ: PRO ET CONTRA (МЫСЛИ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО)

Галинская
Елена Дмитриевна

инженер Федеральной
сетевой компании, студентка
философского факультета УрГУ

Среди принципов, лежащих в основе идей социализма, исходным, пожалуй, можно назвать неприятие социального неравенства. Причиной неравенства, причиной деления общества на угнетающих и угнетаемых является неравномерное распределение материальных благ. С другой стороны, несправедливое распределение материальных благ – это не только причина, но и следствие стратификации общества и разобщенности людей. Таким образом, уничтожение социального неравенства, достижение гармоничного состояния общества приверженцы социалистических идей полагают, прежде всего, в решении экономического вопроса.

Идеи и проекты социализма, находящиеся в центре общественной мысли России уже в 40-50-х годах XIX века и явившиеся ответом на определенные запросы национального духовного развития, были страстно восприняты Ф.М.Достоевским. Социалистические идеи оказали большое влияние на творчество писателя, они же сыграли драматическую роль и в самой его жизни. Участие Достоевского в кружке петрашевцев, арест, ожидание расстрела, четырехлетняя каторга и последующая ссылка – это общеизвестные факты его биографии.

Каторга, пережитые душевные потрясения во многом изменили взгляды Ф.М.Достоевского; произошла определенная «переоценка ценностей», был проведен критический анализ собственных его прежних социалистических воззрений.

Критика положений социалистических идей, критика следствий подобных установок человеческого духа содержится практически во всех произведениях его второго, послекаторжного, жизненного и творческого этапа. Реакция на произведения Ф.М.Достоевского этого периода со стороны революционно-демократических сил была острой. Уже в «Записках из подполья» журналом «Современник», в то время служащим отчасти социалистическим органом, была замечена полемика с автором романа «Что делать». Тот же «Современник» обвинил Ф.М.Достоевского в том, что революционная молодежь опорочена в образе Родиона Раскольникова. А роман «Бесы» среди социалистов приобрел репутацию злобной карикатуры на революционное движение, памфлета против демократизма.

В «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевский признавался в своих заблуждениях: «Таким образом, за достижение цели мы приняли то, что составляло верх эгоизма, верх бесчувствия, верх

экономической бестолковщины и безурядицы, верх клеветы на природу человеческую, верх уничтожения всякой свободы людей...»¹

Однако примечательно то, что и так называемые «охранители самодержавия» весьма критично восприняли «нового» Достоевского. Так, к примеру, запрету официальной цензуры подверглись беседы старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы». Под запретом оказалось и чтение Ф.М.Достоевским на литературных вечерах «Легенды о Великом инквизиторе».

Идеи социализма были Ф.М.Достоевским критически пересмотрены, «откорректированы», однако окончательно не отвергнуты. Можно даже говорить о собственном варианте социализма Ф.М.Достоевского, который нам являют его публицистические и зрелые художественно-философские произведения, – о христианском социализме.

Критическая направленность Достоевского в отношении социалистических идей и, одновременно, признание бесспорности некоторых их положений определяют антиномичность его подхода к разрешению вопроса социализма.

Представления о создании будущего гармоничного общества, об устранении разобщенности людей и антагонизма между ними лежат в основе социалистических воззрений.

Единение человечества, достижение истинного братства между людьми – ключевая идея и философия Ф.М.Достоевского. Однако акцент делается им на духовном единении, которое является залогом бессмертия человечества. В отличие от христианства, христианский социализм Достоевского предполагает и это всеобщее единение, и обретение бессмертия не за гробом, но в нашей земной жизни. В отличие от социализма, путь к духовному единству у Достоевского не предполагает установления социального и экономического равенства. «Раньше чем не сделаешься в самом деле всякому братом,

не наступит братства»². Ф.М.Достоевский считает, что «без слуг невозможно в миру». Но он верит, что между слугой и господином возможно установление отношений, основанных на братской любви. Такое служение понимается как служение взаимное, как духовное обогащение обоих, так что слуга будет «свободнее духом, чем если бы был не слугой», а господин будет считать себя слугой своего слуги. Достоевский верит, что настанет день, когда даже «самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его»³.

Вопрос истинности таких воззрений или их утопичности – это вопрос веры. И, как говорил Ф.М.Достоевский устами своего героя, «доказать тут нельзя ничего», но можно убедиться «опытом деятельной любви».

Ф.М.Достоевский отвергает экономическое решение социального и нравственного вопросов, на котором настаивают социалисты. Такое решение он называет дьявольским искушением обращения камней в хлебы. На знаменах

социализма написано слово «свобода». Однако, по глубокому убеждению Ф.М.Достоевского, тот, кто мнит себя вершителем судеб человечества и руководствуется принципом всеобщего разрушения, понимает свободу как вседозволенность, тем самым отрицая ее.

Шигалев, один из персонажей романа «Бесы», по замыслу автора являющийся фанатичным приверженцем социалистических идей и «фанатиком человеколюбия», представляя проект социального устройства будущего общества, признается: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»⁴.

И, таким образом, хлебы будут куплены человечеством ценой свободы. Однако и послушание кардинально не решает экономического вопроса: «Ибо телеги, подвозящие хлеб всему человечеству, без нравственного основания поступку, могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества, что уже и было...»⁵

Вавилонская башня, служащая у Достоевского аллегорией социализма, строится путем смуты, террора, «радикального срезания ста миллионов голов». Кровь проливается здесь «по совести», «для общего дела» и для скрепления революционных боевых «кучек». «Счастливое» человечество в проекте Шигалева представляет собой стадо, находящееся в безграничном повиновении у тех, кто им повелевает. «Все рабы и в рабстве равны»⁶. Воля, свобода личности сохраняются только у управляющих стадом. Им же предоставляется абсолютная власть над большей частью человечества. Все будут приведены к «одному знаменателю», а для этого потребуется «всякого гения поглотить в младенчестве».

Вопрос свободы человека и меры его нравственной ответственности тесно связан у Ф.М.Достоевского с представлениями о человеческой природе. Достоевский, в отличие от социалистов, постулирующих изначально добрую природу человека, но подвергнутому в дальнейшем отрицательному влиянию негармоничной социальной среды, считает человеческую душу сложной, антиномичной, включающей в себя два начала - ангельское и дьявольское. «Закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве»⁷.

Сравнивая позицию христианства и социалистов в отношении человеческой свободы и проводя прямую параллель между этими воззрениями и их воззрениями на сущность человека, Ф.М.Достоевский приходит к следующему утверждению: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить»⁸.

По мнению Ф.М.Достоевского, социалистическое учение о среде неизбежно приводит к отрицанию метафизического аспекта личности, искры Божьей в душе человеческой. Выводы учения о среде основываются на представлении сущности человека как исключительно разумной и рациональной. Достоевский считает такой взгляд на человека ошибочным, ибо «натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно...» Не отвергая человеческий разум, Достоевский, однако, полагает, что логика - это «каменная стена».

Логике писатель противопоставляет «хотенье», т.е. свободную волю человека. Принудить человека к счастью, обустроив его жизнь на началах науки и разума, на принципах пользы и выгоды Ф.М.Достоевскому не представляется возможным.

Двойственность человеческой души, ее широкость, наличие в ней двух «бездн» акцентируется Ф.М.Достоевским неизменно. Однако более пристальное исследование его учения о двоякой природе человека позволяет заключить, тем не менее, о сохраняющемся влиянии социалистической идеи непротиворечивой, изначально доброй природы человека. И в самом деле: какой бы великий грех не таился в душе человеческой, святыня этой души для Достоевского бесспорна; она служит залогом всеобщего спасения, на которое уповает человечество. В некотором смысле закон посмертного воздаяния Достоевским «отменяется». Душа человеческая должна быть спасена уже в силу того, что она душа человеческая.

Говоря о философских взглядах Ф.М.Достоевского, исследователи отмечают свойственный им христоцентризм. Однако Христос, являющийся для Ф.М.Достоевского живым свидетельством присутствия в человеческой душе Божественного начала и осуществления будущего всеобщего спасения, не трактуется им как Искупитель. По всей видимости, так же как и социалистами, первородный грех человечества Достоевским отрицается. Поэтому персонажи его произведений даже утверждают напрасность крестного подвига Христа и необходимость этот подвиг исправить. Голгофа для героев Ф.М.Достоевского (и, вероятно, здесь выражены сомнения самого их автора) означает не победу Христа над смертью, но Его бессилие перед ней.

Однако антиномичное мышление Ф.М.Достоевского и в этом вопросе задает парадоксы. Если первородный грех им отрицается (подтверждением чего служит признание Достоевским маленьких детей совершенно безгрешными), а влияние социальной среды не представляется основательным, тогда остается не проясненной та укорененность человека во зле, которую постулирует Ф.М.Достоевский.

Для Достоевского Христос, соединяя в себе Бога и человека, служит доказательством присутствия и в каждом человеке Божественного лика. Он служит доказательством возможности преображения человека по образу и подобию Божьему. Значение Христа таково, что те, кто «вослед науки хотят устроиться справедливо одним умом своим, но уже без Христа», «кончат тем, что зальют мир кровью».

Из духовного единения, единения во Христе свободных личностей, следует, по Достоевскому, всечеловечность. Для обозначения следствий объединения под знаменами социализма им используется другая философия, являющаяся противоположностью первой - всемство - и означающая результат нивелирования всякой личности, подавления любой индивидуальности.

Для достижения будущей «гармонии» одержимым «бесами» строителям земного рая прежде требуется произвести всеобщее разрушение. Шигалевщина утверждает разобщенность, безудержное насилие и шпионство. Каждый член общества шигалевского социализма «смотрит один за другим и обязан доносом».

В отличие от такой установки, достижение всеединства предполагает осознание всеобщей связи уже сейчас, в этом мире, еще пока не достигшем совершенства. По мнению героев

Ф.М.Достоевского и самого их автора, всё в мире связано между собой, и каждый человек связан со всем человечеством мистическими связями. Поэтому «все за всех виноваты», нет виновности или невиновности, но есть совинность. Однако истинно и обратное: ни одна «милостыня», ни одно доброе движение души не остается втуне, через них личности приобщаются друг к другу.

Сила каждой отдельной личности заключается в общей, связующей силе, каждый человек живет именно ею; утратившие связи со своим народом, «корень потерявшие», теряют различие добра и зла, теряют Бога.

А без Бога в душе невозможно осознать собственную индивидуальность и человеческое достоинство. «Если Бога нет, то какой же я после этого капитан?»⁹ – так выразил эту мысль один из героев Ф.М.Достоевского. Без Бога невозможно достичь подлинного единения людей и всеобщей гармонии.

Иван Карамазов, герой романа «Братья Карамазовы», в своей статье о вселенской Христовой церкви, несомненно, выражает взгляды самого Ф.М.Достоевского на всеединство и на пути его достижения. Когда-нибудь, возможно, в конце времен, церковь должна заключить в себя государство. Церковь здесь понимается не в качестве социального института для отправления религиозного культа, церковь – это соборность и духовное единение во Христе. Такой взгляд на ее роль и значение противопоставляется тем социальным и политическим теориям, согласно которым церковь, наоборот, должна переродиться в государство и в нем исчезнуть, что будет означать торжество науки и цивилизации.

Отвергая анархические идеи как разновидность идей социалистических, усматривая в подобных теориях призыв к всеобщему разрушению и смуте, Ф.М.Достоевский был, тем не менее, сторонником безгосударственного общества. Государство и его институты он считал карательными учреждениями, не способствующими перевоспитанию преступника, но, скорее наоборот, укрепляющими его во зле. Этот скрытый анархизм Достоевского, его вера в возможность «безгосударственности», достижение которой, однако, не предполагает у него революционного пути, указывает на очевидное влияние социалистических идеалов.

По убеждению Ф.М.Достоевского, все попытки усовершенствовать государство не смогут привести к гармоничным отношениям между людьми, к подлинной свободе и счастью. Именно поэтому он относится критично не только к революционным методам улучшения государства, но и к либерализму, призывающему для этой цели к постепенному проведению социальных реформ. Более того, революционные социалистические идеи он относит к прямым следствиям либерализма. Таким образом, у Достоевского либералы, по своей сути являющиеся оппонентами революционеров, оказываются ответственными за возникновение революционной ситуации.

В романе «Бесы» Ф.М.Достоевский рисует либералов легкомысленными, недалекими, равнодушными к судьбе России. Более всего опасаясь прослыть не достаточно либеральными, они заигрывают с политическими авантюристами и в какой-то степени оказываются зараженными их идеями.

И революция, и социальные реформы предполагают первоочередное изменение все той же социальной среды. Но, по мнению Ф.М.Достоевского, человек должен быть озабочен не преобразованием мира и других людей, но собственным

преобразованием.

Ф.М.Достоевский был глубоко убежден в том, что духовное руководство и истинную свободу люди должны искать в Евангелии. Именно поэтому многие современные исследователи философии Ф.М.Достоевского называют его философом Откровения.

По Достоевскому, религия, вера в свое бессмертие есть основание нравственности человека: «Если Бога нет, то всё дозволено». Мораль у Достоевского означает живое ощущение Бога.

Идея внерелигиозной морали, утверждаемой социалистами («Человечество само в себе силу найдет, чтобы жить без добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдет...»¹⁰) Ф.М.Достоевским отвергается.

Атеизм, отрицание духовных ценностей, ориентацию на позитивистское учение Ф.М.Достоевский относит к имманентным чертам социализма. «Социализм по существу своему уже должен быть атеизмом, ибо именно провозгласил, с самой первой строки, что он установление атеистическое и намерен устроиться на началах науки и разума исключительно»¹¹.

Позитивизм, по Ф.М.Достоевскому, также приводит к отрицанию каких-либо нравственных оснований; ведь из позитивистского учения о среде следует, что «преступление не есть преступление, а есть лишь восстание против несправедливо угнетающей силы».

Поэтому и социалистическая идея в целом оказывается идеей безнравственной: «Социализм есть отрицание чести». Для установления социализма «одно или два поколения разврата необходимо; разврата неслыханного, подленького, когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь...» Социализм означает манипулирование сознанием народа и его нравственное разложение.

Замена религиозно-нравственных принципов принципами рациональными приводит к опасному нигилизму, когда «ничего нет ни нравственного, ни безнравственного».

Но, утверждая имманентность атеизма и нигилизма социалистическим идеям, указывая на связь социализма с материализмом и позитивистским учением, Ф.М.Достоевский в то же время отмечал предрасположенность самой природы человека к разрушению и отрицанию.

Дилемма христианства и социализма решается Ф.М.Достоевским как дилемма добра и зла, которая стоит перед каждым человеком. Таким образом, Достоевским вскрывается метафизический, религиозный аспект социализма и революции. «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей»¹².

Художественно-философские произведения Ф.М.Достоевского, несущие на себе отпечаток особенности его мышления – мышления антиномичного – не дают однозначных ответов на вопросы, которые волновали писателя.

Утверждая Христа в качестве духовного ориентира человечества, Ф.М.Достоевский не приемлет Его в полной мере в соответствии с христианским учением. Весьма негативно относясь к социализму, сам постулирует, хотя и скрытым образом, некоторые социалистические идеи. Резко противопоставляя социализм и христианство, в то же время утверждает, что это «всё те же вопросы, только с другого конца».

Однако, мысля антиномиями, вскрывая антиномичную природу человека и мира, Ф.М.Достоевский приближается к

мышлению апофатическому, религиозному в своей основе. Социальное и культурное пространство не отделено у Ф.М.Достоевского от пространства метафизического, но встроено в него. Таким образом, жизнь, со всеми ее социальными и политическими потрясениями, приобретает глубокий смысл и значение. А история народов предстает как грандиозная история религиозных исканий человечества, его стремления к единению и бессмертию.

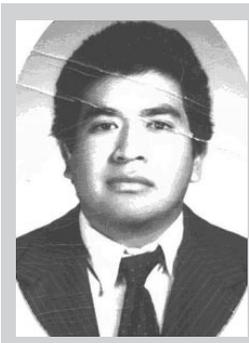
1. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – Москва: Современник, 1989. – С.373.

2. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Москва: Современник, 1989. – Ч.2. – С.342.

3. Там же. – С.357.
 4. Достоевский Ф.М. Бесы. – Москва: Правда, 1990. – С.395.
 5. Достоевский Ф.М. Идиот. Москва: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 1998. – С.391.
 6. Достоевский Ф.М. Бесы. – Москва: Правда, 1990. – С.408.
 7. Там же. – С.390.
 8. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. – Москва: Современник, 1989. – С.47.
 9. Достоевский Ф.М. Бесы. – М.: Правда, 1990. – С.234.
 10. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Москва: Современник, 1989. – Ч.2. – С.342.
 11. Достоевский Ф.М. Бесы. – М.: Правда, 1990. – С.256.
 12. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. – М.: Современник, 1981. – Ч.1. – 125 с.

Роберто Гонсалес Инохоса

ЭДУАРДО НИКОЛЬ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Роберто Гонсалес Инохоса

профессор-исследователь
Гуманитарного факультета
Автономного университета штата
Мехико, Мексика

13 декабря 2007 года исполняется столетие со дня рождения выдающегося мексиканского философа Эдуардо Николь. Ученики и коллеги, знавшие мыслителя, единодушно отмечают, что он учил мыслить и уважать достоинство своего ближнего; его тексты отличаются оригинальностью, ясностью, логической продуманностью, глубоким содержанием и изяществом стиля. Как любил говорить Николь, ясность и логичность философского дискурса – залог духовного здоровья его автора.

Полное имя нашего автора - Эдуардо Хосе Григорио Николь Франциска, и его жизнь отмечена двойным рождением: физическим появлением на свет и духовным становлением в качестве мыслителя. Физическое рождение Николь произошло в 1907 году, Испании, в Барселоне. После окончания в 1928 году философского факультета Барселонского университета будущий философ начинает свою карьеру в качестве переводчика. В 1929 году он избирается секретарем фонда Берната Метхе, в задачу которого входил перевод древнегреческих и латинских текстов на каталанский язык. В 1933 году Эдуардо Николь становится штатным профессором кафедры философии института Салмерона в Барселоне и его преподавательская деятельность продолжалась вплоть до окончания гражданской войны в Испании, после чего он был вынужден эмигрировать во Францию, а в июне 1939 году французский корабль доставил его в мексиканский порт Веракрус. Судьба уготовила ему пятьдесят оставшихся лет провести на своей новой родине - в Мексике. Так произошло второе рождение Эдуардо Николь как философа. Выступая на своем восьмидесятилетнем юбилее, на котором ему было присуждено почетное звание заслуженного профессора Национального Автономного университета Мексики, он сказал: «Здесь, в Мексике не очень принимают во внимание то, что мы

сделали и то, кем мы были раньше, поэтому можно сказать, что мы родились в 1939 году». (Maestros del exilio español, Las Jornadas, 1988, No. 4, p. 9)

С точки зрения Эдуардо Николь, в истоках всякой философии находится надежда. Надежда – это то, что дает необходимый импульс к поиску истины. Надежда присуща всякому человеку, имманентно воспринимающего себя в качестве существа несамодостаточного, а стало быть, надежда - это компенсация, восполнение существования человека, обойденного вниманием богов или природы. Как существо надеющееся, человек вынужден проектировать себя в будущее, сознавать себя в качестве конечного сущего. Можно сказать, что только будучи существом конечным, человек может на что-то надеяться. Именно надежда, имманентно присущая философии, сообщает смысл мудрости в её усилении отыскать истину. Не достаточно утверждать, что всякая истина – это приобретение, необходимо добавить, что всякая истина требует немалых усилий для своего достижения, и это усилие превращает философа в её неустанного искателя. Истина – это результат любовного вслушивания в зов бытия. Здесь находится средостение двух фундаментальных понятий человеческого бытия – надежды и любви. Истина могла родиться только из соединения этих двух чувств. Можно сказать, что философ – это человек, решивший сотворить из любви к постижению истины собственный образ жизни. Но существует множество форм проявления любви. Разумеется, любовь всегда направлена на ближнего, ибо только через любовь человек может попытаться преодолеть в себе несамодостаточность, на которую изначально обрекли его природа или боги. Искать истину – значит, любить её, - значит, помогать своему ближнему, переноситься в бытие другого, тем самым, дополняя и обогащая собственное бытие. Постигание бытия в его явлении, в его выражении требует коллективных усилий, и оно, в известном смысле, задано человеческому разуму. Но истина, как выражение бытия, должна быть свободным от мелких или низменных интересов субъекта, её искателя.

В 1940 году Эдуардо Николь занимает должность штатного профессора факультета философии и словесности Национального Автономного университета Мексики. В 1941 году выходит в свет его первая книга Психология жизненных ситуаций (Psicología de las situaciones vitales). В 1946 году Николь публикует первым изданием вторую свою книгу Идея человека (La idea del